

К 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого

В Хамовниках Льва Толстого

Эта святая обязана своим сохранением Ильичу. Умер Толстой, и дом, где «великий писатель земли русской» прожил 19 зим, был продан московской управе. Сжигается забор, разбираются постройки.

В напряженные послереволюционные дни Владимир Ильич нашел время и «посетил, — вспоминает Бонч-Бруевич, — московский дом Толстого в Хамовниках (сейчас улица Льва Толстого) и, тщательно осмотрев, потребовал: «...в доме все сохранить по-прежнему. Массы должны знать, как жил Лев Николаевич».

Весь мир готовится отметить 50 лет со дня смерти русского гения. До юбилея еще далеко, а поток посетителей в дом за высоким кирпичным забором с каждым днем нескончаемый. Здесь каждый экспонат рассказывает о Толстом. В тенистом саду беседка с колоннами. В ней автор читал корректуру «Воскресения».

Проходя переднюю, вспоминаешь письмо В. В. Стасова брату: «Никакой прислуги, ни малейшей, не было в передней, да и не нужно... дверь на улицу весь день открыта, и всякий приходит и уходит, когда хочет».

Ясневая вешалка так и хочет сказать нам, что Толстой никому не позволял подавать себе пальто. В большой столовой, где за обедом русского графа никогда не было вина и всегда было много гостей, рядом с миской для общего супа стоит маленькая — для вегетарианского — сам Лев Николаевич не ел мяса.

Живя в Москве, Толстой думал о русском мужике. И «Деревенский календарь» в спальне, который листал сам Лев Николаевич, как бы напоминает об этом. 60-летним стариком Толстой трижды ходил отсюда в свою Ясную Поляну, за двести с лишним верст, ночуя по дороге у мужиков.

В доме все поражает простотой. И только комната дочери — художницы Татьяны — настоящая картинная галерея: Репин, Касаткин, Ге, Орлов, знаменитый бюст Толстого, слепленный П. Трубецким в этом доме в 1908 году. У Татьяны всегда было шумно и весело. На столе необычная скатерть — гости-художники расписывались на ней мелом, а хозяйка расшивала их автографы шелком. Есть роспись и Льва Николаевича.

В комнате Татьяны, кажется, звенит шум, а в простом, лишенном украшений, зале — тишина. Здесь играли Римский-Корсаков, Рахманинов, Рубинштейн, Аренский, Скрябин, Танеев и другие. В этом зале Льву Николаевичу пел Шаляпин. На этом рояле Толстой тайком играл вальс собственного сочинения и «Крейцерову сонату». Под роялем

ковер — шкура медведицы, от ногтей ее Толстой едва не погиб на охоте в 1858 году, спас его тверской крестьянин Архип Осташков, фотография которого стоит на печке.

Толстой поднимался рано, убирал сам свою комнату, брал колун и колот в сарае дрова, сам разносил их к печам. Затем привозил воду в 10-ведерной бочке из колодца на санках или запрягал лошадь и ехал за водой к Москве-реке. С 9 до 3—4 часов дня работал — писал. Прогулка в одиночестве по городу, потом занятие сапожным ремеслом. В рабочей комнате сапожные инструменты Толстого, сапоги, сшитые им. 67-ми лет Толстой выучился ездить на велосипеде, который стоит здесь же.

С особенным волнением переступаешь порог кабинета. Ведь этой простой ручкой из вишневого дерева написаны здесь «Смерть Ивана Ильича», «Плоды просвещения», «Власть тьмы», «Хаджи Мурат», «Воскресение». О многом могла бы

рассказать эта папка, с которой хозяин ходил на перепись в Москве в 1882 году. Стремясь изучить жизнь городской бедноты, он выбрал для себя участок у Смоленского рынка — «притон самой страшной нищеты и разврата», — как назвал его Толстой.

Из этого дома несло бичующее царскую действительность слово Толстого, наводившее дрожь на сильных мира сего, заставлявшее синод отлучать Толстого от церкви. Здесь написал он свой «Ответ синоду». Вот почему за домом был установлен постоянный полицейский надзор.

Около миллиона экспонатов в музеях Толстого. Но вещи этой усадьбы особенно дороги и волнующи для нас. И каждый посещающий столицу стремится побывать здесь, узнать, как жил Толстой в Хамовниках.

Н. СВЕРЧКОВ.